

«Эффект крысолова» в русских относительных придаточных: микродиакроническое исследование

© 2021

Ольга Евгеньевна Пекелис

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; opekelis@gmail.com

Аннотация: В статье исследуется эволюция явления эффекта крысолова (англ. *pied-piping*) в русских относительных клаузах после XVIII в. Известное отличие языка XVIII–XIX вв. от современного языка, касающееся линейного порядка относительного местоимения *который* и его вершины при эффекте крысолова и обычно иллюстрируемое на материале конструкций с релятивизацией зависимого в генитиве (ср. устаревшее *которого дам* и современное *дам которого*), последовательно подтверждается для разных синтаксических контекстов. Произшедший после XIX в. синтаксический сдвиг предлагается объяснять более общим сдвигом в коммуникативной организации высказывания: характерный для относительных клауз XVIII–XIX вв. линейный порядок, как демонстрируется, не укладывается в реестр коммуникативных структур, разрешенных современной нормой.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, относительные конструкции, русский язык XIX века, синтаксис, эффект крысолова

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования № 075-15-2020-793 «Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования». Автор глубоко признателен Е. В. Рахилиной и рецензентам журнала «Вопросы языкознания» за советы и замечания.

Для цитирования: Пекелис О. Е. «Эффект крысолова» в русских относительных придаточных: микродиакроническое исследование. *Вопросы языкознания*, 2021, 4: 42–71.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.42-71

Pied-piping in Russian relative clauses: A microdiachronic analysis

Olga E. Pekelis

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia;
opekelis@gmail.com

Abstract: This paper presents an analysis of the pied-piping phenomenon in Russian relative clauses in the 18th–19th centuries and in present-day Russian. As is well-known, the relative pronoun *kotoryj* ‘which’ tended to precede its pied-piped head in the 18th–19th centuries and tends to follow it today. This difference, which has mainly been investigated for relativization on genitives, is demonstrated to be valid for a number of heterogeneous syntactic contexts. I propose to account for the syntactic shift undergone by the Russian relative clauses since the 19th century in terms of a more general shift in information structure: I argue that the linear order of the relative pronoun and its head that was acceptable

in Russian two centuries ago, is now in contradiction with the modern inventory of felicitous information structure patterns.

Keywords: 19th-century Russian, corpus linguistics, pied piping, relative constructions, syntax

Acknowledgements: This research has been supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the Agreement No. 075-15-2020-793.

For citation: Pekelis O. E. Pied-piping in Russian relative clauses: A microdiachronic analysis. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 4: 42–71.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.42-71

1. К постановке вопроса

Эффект крысолова в русских относительных придаточных, т. е. выдвижение на левую периферию придаточного не только самого относительного местоимения, но и объемлющей его составляющей, как в (1)–(2), неоднократно становился предметом изучения, ср. [Лютикова 2011; 2019; Холодилова 2014] и др.

- (1) *Их подельником в этом был Константин Лебедев, [дело [которого]] рассматривалось в отдельном производстве* [Комсомольская правда, 2014.07.24].
- (2) *Затем на поле выйдут хозяева турнира — бразильцы, [противостоять [которым]] будет смелая и атакующая колумбийская команда* [Известия, 2014.07.02].

Однако системного исследования эволюции этого явления в истории русского языка как будто не проводилось. Известно при этом, что в русском языке XVIII–XIX вв. синтаксический паттерн эффекта крысолова был иным, чем сегодня: относительное местоимение могло предшествовать своей вершине, тогда как сегодня, как правило, следует за ней. Это различие обычно отмечается для относительных конструкций с релятивизацией генитивного зависимого имени, как в (1) и (3), см. [Зализняк, Падучева 1979; Круглов 2003; 2006; Раппарпорт 1995] и др. К рассмотрению привлекалась и конструкция с релятивизацией актанга инфинитива, ср. (2) и (4) [Булаховский 1954: 438; Тестелец 2001: 141; Лютикова 2009; Холодилова 2020].

- (3) *Я нашел у Грушницкого драгунского капитана и еще одного господина, **которого фамилии** не помню* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)].
- (4) *Нет таких трудностей, **которые преодолеть** не покусилась бы злоба и мщенье* [В. Т. Нарезный. Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)].

В настоящей работе паттерны эффекта крысолова в современном языке и языке XVIII–XIX вв. сопоставляются для более широкого круга синтаксических контекстов: наряду с двумя перечисленными, это контексты с релятивизацией именной группы в косвенном падеже (отличном от генитива), в составе количественной конструкции и некоторые другие. Материалом для исследования служит Национальный корпус русского языка [НКРЯ]: его Подкорпус текстов XVIII–XIX вв. и Газетный корпус. Последний содержит тексты СМИ 1990–2000-х гг. и, можно думать, точнее отражает современную норму, чем тексты художественной литературы, преобладающие в Основном корпусе.

Предпринятый анализ показал, что во всех без исключения рассмотренных синтаксических контекстах паттерн с препозицией относительного местоимения был возможен в XVIII–XIX вв., а сегодня применяется с ограничениями (раздел 2). Дальнейшее изложение затрагивает вопрос о причинах ухода от этого паттерна в современном языке

(раздел 3). Ответ предлагается усматривать в коммуникативной структуре относительных клауз XVIII–XIX вв.: демонстрируется, что препозиция местоимения *который* порождает коммуникативную структуру, противоречащую современным нормам коммуникативной организации высказывания.

Работа продолжает проект Школы лингвистики НИУ ВШЭ, посвященный поиску и интерпретации лексических и грамматических сдвигов, произошедших в русском языке после XVIII в., см. подробнее [Рахилина и др. 2016].

2. О паттернах эффекта крысолова в XVIII–XIX вв. и сегодня: данные НКРЯ

В настоящем разделе исследуется употребление в современном русском языке и в языке XVIII–XIX вв. трех конструкций: конструкции с выносом вершины, доминирующей над словом *который*, в позицию перед этим словом (5); конструкции с контактным расположением такой вершины в позиции после слова *который* (6) (вопрос о том, следует ли говорить в этом случае о выносе, обсуждается ниже); конструкции с дистантным расположением *который* и вершины, обусловленным отсутствием выноса в одну из упомянутых позиций (7). Для указанных трех конфигураций будем использовать следующие ярлыки: **эффект крысолова**, **эффект крысолова с инверсией** и **отсутствие эффекта крысолова** соответственно (см. аналогичную терминологию, например, в [Холодилова 2020]).

- (5) *Особенно хочу выделить Олега Басилашвили в роли Самохвалова, образ которого получился незабываемым* [коллективный. Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006–2010)].
- (6) *Птица сия почитается у них священной, равно как и аисты, **которых гнезда** вы увидите по деревьям почти на каждой трубе* [Н. А. Бестужев. Записки о Голландии 1815 года (1821)].
- (7) *В саду *rus deirphinus*, **которого** я давно домогался *названия* в Ширване* [А. С. Грибоедов. Отдельные заметки (1822–1825)].

При контактном расположении вершины справа от *который* ответ на вопрос о синтаксической позиции вершины не всегда прозрачен. В (6), где вершина *гнезда* представляет собой прямое дополнение, можно говорить о том, что ее контактное расположение после слова *которых* является результатом выноса именной группы [*гнезда которых*] из базовой постглагольной позиции и последующей инверсии компонентов (в соответствии с представлением о том, что в нейтральной синтаксической и коммуникативной структуре в русском языке субъект предшествует предикату, а объект следует за ним, ср. [Ковтунова 1976: 65; Падучева 2016: 33]). Однако в случае, если вершина, доминирующая над *который*, представляет собой подлежащее, как в (8), для вывода о производности ее синтаксической позиции меньше оснований.

- (8) *Он со всех сторон окружен озером, **которого глубина** в этом месте простирается до восьмисот французских футов* [В. А. Жуковский. [Предисловие к «Шильонскому узнику»] (1821)].

Отмеченная проблема неоднократно обсуждалась на материале французской относительной конструкции с местоимением *dont* (9), но не получила общепринятого решения.

- (9) *Je cherche la maison **dont la porte** est jaune.*
Букв. ‘Я ищу дом, **которого дверь** желтая’.

Согласно одной из точек зрения, при релятивизации посредством *dont* именной группы в составе подлежащего вершина остается в базовой позиции, т. е. эффект крысолова как таковой отсутствует [Hirschbühler 1978: 110], цит. по [Heck 2009: 102]. Другая точка зрения состоит в том, что группа подлежащего целиком подвергается передвижению, т. е. эффект крысолова наличествует [Heck 2009], см. также [Abeillé, Winckel 2020]. Применительно к русскому языку выбор между этими двумя вариантами анализа представляется невозможным: конструкция типа (8) синтаксически омонимична. Ни один из двух вариантов не может быть исключен, потому что, как демонстрируется в разделе 2.1, релятивизация генитивного зависимого имени в русском языке XVIII–XIX вв. могла как сопровождаться, так и не сопровождаться эффектом крысолова.

Ответ на вопрос о синтаксической позиции вершины, доминирующей над местоимением *который*, может быть проблематичен не только для конструкций с релятивизацией подлежащего. Дело в том, что контактное расположение вершины справа от местоимения и одновременно в производной синтаксической позиции может не быть следствием эффекта крысолова: коммуникативная структура предложения, к которой применяется релятивизация, сама по себе может оказаться производной. Так, в (10) при поверхностном рассмотрении неясно, имел ли место эффект крысолова с инверсией (и последующей реорганизацией коммуникативной структуры, см. [Лютикова 2019]) при релятивизации независимого предложения (11), или исходным для (10) является синтаксическое членение (12).

(10) *У обоих в глазах такая боль, которую вытравить сможет, наверное, только время* [Комсомольская правда, 2001.10.31].

(11) *Только время сможет вытравить боль.*

(12) *Вытравить боль сможет только время.*

В настоящем разделе мы стремимся к описанию эмпирических фактов, поэтому для простоты изложения пренебрегаем отмеченными трудностями, применяя термин «эффект крысолова с инверсией» ко всем случаям, в которых вершина, доминирующая над местоимением, контактно следует за ним. Это относится как к вершинам в позиции подлежащего (8), так и к вершинам в позиции дополнения (10). Интерпретация фактов и разграничение «подлинного» и «мнимого» эффекта крысолова с инверсией помещены в раздел 3.

Материалом для исследования служат контексты с релятивизацией именной группы (ИГ) в следующих синтаксических позициях: посессора или актанта в генитиве в составе ИГ (раздел 2.1); актанта в косвенном падеже, отличном от генитива, в составе ИГ (раздел 2.2); зависимого в составе количественной конструкции (раздел 2.3); ИГ, подчиненной инфинитиву (раздел 2.4); ИГ, подчиненной финитному глаголу (раздел 2.5); ИГ в составе группы наречия (раздел 2.6). Выбор данных контекстов обусловлен тем, что именно в них наиболее ярко проявляют себя отличия современной нормы от нормы XVIII–XIX вв. Для сравнения, в контексте с релятивизацией ИГ в составе предложной группы, не вошедшем в рассмотрение, существенных сдвигов в паттерне эффекта крысолова не произошло. Так, в корпусе текстов XVIII–XIX вв. в составе НКРЯ примеров без эффекта крысолова — с «зависанием» предлога, как в (13б) — не встретилось ни для первообразных, ни для производных предлогов, что отвечает и современной норме.

(13) а. *Христианская религия есть учение, благодаря которому Римская империя получила мировое значение* [Иоанн Мейендорф. Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы (1992)].

б. **Христианская религия есть учение, которому Римская империя получила мировое значение благодаря.*

2.1. Релятивизация ИГ (посессора или актанта) в генитиве

При релятивизации ИГ-посессора или актанта в генитиве сегодня единственно возможной является конструкция с эффектом крысолова [Лютикова 2009]. В языке XVIII–XIX вв. эта конструкция также использовалась ((14) — самый ранний пример такого рода в Основном корпусе). Однако, как отмечалось в литературе [Зализняк, Падучева 1979: 321; Тестелец 2001: 141; Круглов 2006] и др., альтернативой служил эффект крысолова с инверсией — в составе подлежащего (15), дополнения (16) или в составе предложной группы. В последнем случае местоимение *который* могло располагаться после предлога (17) или перед ним (18) (отмечается в [Холодилова 2011а: 15]).

- (14) *К тому же прошу вас, мой государь, прислать мне продаваемые в академической книжной лавке книги, названия которых указаны ниже, деньги же, как за эти книги, так и за ранее присланные, я перешлю с моим сыном* [В. Н. Татищев. Письмо И. Д. Шумахеру (1735)].
- (15) *Я не говорю уж о матери, которой обязанности и так святы и так сложны* [А. И. Герцен. Сорока-воровка (1846)].
- (16) — *Это жаль, однако ж, — сказал я Бондыреву, ощущая невольное угрызение совести при виде человека, которого погибли я сам некоторым образом содействовал* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ (1858)].
- (17) *Моренгейм просит увольнения за слабостию будто здоровья, на которого место я принят* [А. М. Шумлянский. Письмо И. В. Руцкому (1785)]¹.
- (18) *Лучше быть смотряливу и осторожу въ своихъ дѣлахъ и словахъ, хотя и съ небольшимъ себя трудомъ, нежели поддаваться предательству, открывая свое сердце такимъ людямъ, которыхъ о вѣрности нѣтъ извѣстныхъ знаковъ* [В. К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского] (1745)].

Кроме того, в XVIII–XIX вв. использовалась и конструкция без эффекта крысолова, с «зависанием» вершины (см. упоминание об этом в [Круглов 2006: 97]):

- (19) *Имеет он пушки его королевскому величеству изрядной работы и деление иное, нежели обыкновенное, которых я хотел иметь рисунок, но не мог получить* [В. Н. Татищев. Письмо Я. В. Брюсу (1717)].

2.2. Релятивизация ИГ-актанта в других косвенных падежах

В текстах XVIII–XIX вв. в конструкции с релятивизацией ИГ-актанта в косвенном падеже, отличном от генитива, в составе предложной группы или вне ее, использовались две модели: эффект крысолова с инверсией, ср. в (20) релятивизацию ИГ в составе дополнения и в (21) релятивизацию ИГ в составе подлежащего, или отсутствие эффекта (22), (23).

¹ В (17) между относительной клаузой и ее вершиной располагается фрагмент главной клаузы. Такие конструкции («right-adjoined relative clauses» в соответствии с типологической классификацией [Andrews 2007]; конструкции с экстрапозицией относительной клаузы в русскоязычной терминологии [Холодилова 2014]) были особенно распространены в старорусский период [Mitrenina 2012: 67], но и в языке XVIII–XIX вв. употреблялись шире, чем сегодня [Подлеская 2014].

- (20) *И в те уреченные лета должен тот наследник их, братьей и сестр, кормить и снабжать и учить всех грамоте, а мужеской пол и цыфирному счету, также и наукам, к которым приклонность будет кто иметь* [[Петр I]. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах (1714)].
- (21) *Простоявши 20 лет в развалинах, он был открыт моим прологом Торжество Муз, к которому музыка была написана А. Н. Верстовским, А. А. Алябьевым и Шольцом* [М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти (1869)].
- (22) *Нѣжность, къ которой имѣють они нарочитую склонность, не рѣдко раздѣляютъ съ ними ихъ плѣнники* [Н. П. Рычков. Дневныя записки путешествія въ Киргисъ-Кайсацкой степѣ, 1771 году (1772)].
- (23) *...боясь, чтобы одно слово не погасило навеки небесного огня, которому обрекла себя на служение, и не погребло ее живую в землю, спешила исполнить волю дочери* [И. И. Лажечников. Ледяной дом (1835)].

Конструкции с эффектом крысолова без инверсии появляются, по-видимому, ближе к XX в., ср. самый ранний пример, содержащий сочетание *склонность к которому*, в (24) (при допустимости отсутствия эффекта крысолова в этом сочетании уже в XVIII в., ср. (22)).

- (24) *Эльза дала ему ленивое, мещанское счастье, склонность к которому была у Любо-вина* [П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 1) (1922)].

В современном языке наряду с эффектом крысолова без инверсии (25) допустимо отсутствие эффекта (26). Этим конструкция с релятивизацией негенитивной актантной ИГ отличается от конструкции с релятивизацией зависимого в генитиве (попытку объяснения этого различия см. в [Лютикова 2009: 484]).

- (25) *После матча произошел, на мой взгляд, совершенно вопиющий случай, примеров которому, кажется, нет* [Советский спорт, 2011.06.19].
- (26) *Там лишь сказано, что десятые классы должны быть профильными и школьникам стоит делать упор в них на те дисциплины, к которым у них есть способности* [Известия, 2013.10.22].

Окказионально встречаются также конструкции с эффектом крысолова и инверсией, ср. (27), (28) (в Газетном корпусе НКРЯ таких примеров найти не удалось).

- (27) *...понимал, что, вспоминая маму и папу, он только ранит хрупкое сердце его любимой бабушки, к которой уважение было очень высоко* (Google).
- (28) *Гораздо большим бредом является натаскивание на предметы, к которым предрасположенности нет* (Google).

К числу факторов, лицензирующих как эффект крысолова с инверсией, так и отсутствие эффекта в современном языке, относится тип предиката в составе относительной клаузы: с инверсией совместимы такие предикаты, при которых релятивизируемая ИГ (или доминирующая над ней предложная группа) может интерпретироваться как непосредственно подчиненная предикату, а не существительному (см. об этом явлении [Апресян и др. 2010: 28])². Таковы, по-видимому, примеры (25)–(28). Ср. также контрастные примеры в (29): в (29а), где предложная группа *к которым* может интерпретироваться как непосредственно подчиненная предикату *подбиралась*, контактное расположение ИГ *музыка* справа от *который* допустимо, а в (29б) с предикатом *прозвучать*, где аналогичная интерпретация

² Мы благодарны анонимному рецензенту за это наблюдение.

невозможна, затруднено и контактное расположение справа. Аналогично отсутствие эффекта крысолова приемлемо в (30а), где *к которым* подчинено глаголу *написали*, но не в (30б), где *музыка* — единственный кандидат на роль вершины группы *к которым*.

- (29) а. *В этой серии кроме сказок, для которых музыка была написана специально — «Петя и волк», «Щелкунчик», есть такие, к которым музыка подбиралась мной (Google).*
- б. *??В этой серии есть сказки, к которым музыка (^{ок}музыка к которым) прозвучала в первом отделении концерта.*
- (30) а. *Вы не считали фильмы, к которым написали музыку? (Google).*
- б. *??Как называются фильмы, к которым в первом отделении концерта прозвучала музыка?*

Отмеченный фактор, по-видимому, не играл роли в языке XVIII–XIX вв. — и в этом видится принципиальное отличие от современной нормы. Так, примеры (31а) и (32а) закономерным образом производят впечатление архаичных: релятивизируемая группа не может интерпретироваться как зависимое предиката. Ср. обладающие тем же свойством и близкие по лексическому составу современные примеры с эффектом крысолова без инверсии в (31б) и (32б).

- (31) а. *С благозвучием голоса, с благородством осанки соединяла она красоту именно той музы, **которой служению** она себя посвящала* [Ф. Ф. Вигель. Записки (1850–1860)]
- б. *Для жителей Брянщины чрезвычайно дорого внимание представителей министерства иностранных дел России, **служению которому** посвятил свою жизнь Тютчев* [РИА Новости, 2009.12.03].
- (32) а. *Но я, взяв уже тогда на себя первое действующее лицо, просил графа, чтобы он в церковь не ходил, а что я привез присягу, **к которой рукоприкладства** его достаточно будет* [Ф. В. Ростопчин. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I (1796)].
- б. *Есть понятие разрешения-согласия от родителей, **подписи под которым** заверяет нотариус* (Google).

2.3. Релятивизация ИГ в составе количественной конструкции

Как показано в [Лютикова 2009: 484–489], генитивная связь в составе количественной конструкции с точки зрения эффекта крысолова устроена в современном языке особым образом: эффект крысолова в такой конструкции не только не является обязательным (33), но в ряде случаев невозможен. Так, неграмматичен вынос в позицию перед словом *который* количественного числительного, ср. (34а) и (34б). Вместе с тем для некоторых других типов количественных конструкций, в частности для конструкций с нумеративами, эффект крысолова допустим (35).

- (33) *Корреспондент «ССФ» решил пойти до ближайшей трассы и доехать до центра на такси, которых в ожидании фанатов — десятки* [Советский спорт, 2012.04.02].
- (34) а. *Но, скорее всего, в преддверии избирательных кампаний губернаторов, которых в сентябре будет 30, он может пойти практически от любого региона* [Известия, 2014.07.02].

б. *В преддверии избирательных кампаний губернаторов, 30 которых будет в сентябре, он может пойти практически от любого региона.*

- (35) *Основным элементом его конструкции были ступенчатые валики, двенадцать штук которых были закреплены в каретке, установленной в специальной подвижной раме [«Информационные технологии», 2004.06.28].*

Сравним паттерны эффекта крысолова в языке XVIII–XIX вв. и сегодня для конструкций с нумеративами и конструкций с количественными числительными (оставляя в стороне другие разновидности количественных конструкций).

В языке XIX в. (но, по-видимому, не XVIII-го) эффект крысолова (без инверсии) в конструкциях с нумеративом, как и сегодня, был возможен; в (36) представлен самый ранний пример такого рода в Основном корпусе. Заметим, что запрет на вынос в позицию перед *который* числительного, продемонстрированный в (34б), как будто действовал и в XVIII–XIX вв. Опровергающих это предположение примеров в НКРЯ не встретилось.

- (36) *Завалишину Суханов поручил доставить несколько запалов, четыре штуки которых тот получил без всяких затруднений в Минном классе, где он обучался в то время [Дознание по процессу 14-ти (1883–1884)].*

Кроме того, в текстах XVIII–XIX вв. встречаются конструкции с эффектом крысолова и инверсией, ср. (37) с нумеративом и (38) с числительным, а также конструкции без эффекта крысолова, с нумеративом (39) или числительным (40). В (37) нумератив употреблен с местоимением-числительным *несколько*, а не с количественным числительным. Аналогичных примеров с числительным в подкорпусе XVIII–XIX вв. НКРЯ не нашлось, однако этот факт представляется случайным.)

- (37) *Аллазия тотчас послал двух балтаджи (инвалидов карантинной стражи, которых несколько человек состоят при каждом областном враче), за виновными [А. А. Рафалович. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты (1850)].*

- (38) *В эти пруды, сверх того, проведены каналы из отхожих мест, устроенных при мечетях, которых одна, две и больше находятся почти в каждой деревне [А. А. Рафалович. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты (1850)].*

- (39) *И, прибыв в Казимер в 29 день мая, смотрел драгун, которых было там при Висле 12 полков [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)].*

- (40) *Той же осени отправился я с лотками своими в С[анкт]-Петербург, которых было 3 [Г. Г. Томилов, В. Г. Томилов. Памятная книга (1776–1863)].*

Обратим внимание, что упомянутый выше запрет на расположение числительного слева от местоимения при расположении числительного справа от местоимения отсутствует, ср. (38) с (41) и (34б).

- (41) *В эти пруды, сверх того, проведены каналы из отхожих мест, устроенных при мечетях, одна, две и больше которых находятся почти в каждой деревне.*

В современном языке контактное расположение числительного справа от местоимения неудачно при условии, что числительное или сочетание с нумеративом **входит в тему**. Таковы примеры (37) и (38), архаичные с позиций сегодняшней нормы. При этом контактное расположение числительного (нумератива) справа от местоимения приемлемо, если числительное (нумератив) входит в состав ремы, как в (42) и (43). О том, что количественные выражения в (42) и (43) входят в рему, свидетельствует, в числе прочего, неестественность восходящего тематического и естественность нисходящего рематического акцента

на числительном / нумеративе (ср. *которых пять штук\ осталось на свете, #которых пять штук\ осталось на свете*)³.

- (42) *Круг общения моих детей — это молодые ребята, которых полторы тысячи в городе Москве* [Известия, 2006.03.02].
- (43) *В перечень агрессивных пород включили медвежью лайку, которых пять штук осталось на свете* [Комсомольская правда, 2011.10.27].

Количественное выражение входит в состав ремы и в конструкции без эффекта крысолова, как в (44) и (45) (в этом случае, впрочем, статус ремы предсказывается и линейным порядком).

- (44) *Ярко окрашены в цветке аконита не лепестки, а чашелистики, которых у аконита пять* [«Первое сентября», 2003].
- (45) *Алексис разбирался в компьютерах, которых у него было три штуки* [Известия, 2013.09.18].

И в (42), (43), и в (44), (45) представлены расщепленные (англ. split) количественные конструкции [Testelefs, Lyutikova 2017]. В самом деле, количественное выражение в составе расщепленной конструкции всегда выступает в роли ремы [Ibid.: 361] и в позиции прямого (номинатив или аккумулятив), но не косвенного падежа [Ibid.: 365]. Прямой падеж (номинатив) представлен и в (42)–(45). Отметим, что второе свойство (но не первое) отличало, по-видимому, и конструкции с эффектом крысолова и инверсией в языке XVIII–XIX вв.: примеров с релятивизацией ИГ в составе количественной конструкции в позиции косвенного падежа (ср. *голубями, которыми двумя я очень горжусь*) нам не встретилось.

Таким образом, в контексте количественной конструкции для современного языка, в отличие от языка XVIII–XIX вв., релевантным оказывается коммуникативный статус количественного выражения: позиция справа от местоимения допускается для количественного выражения (нумератива или количественного числительного) в роли ремы.

2.4. Релятивизация ИГ, подчиненной инфинитиву

При релятивизации ИГ, подчиненной инфинитиву, в языке XVIII–XIX вв. допускались отсутствие эффекта крысолова (46) и эффект крысолова с инверсией (47). Эффект крысолова без инверсии появляется, по-видимому, в XIX в., см. в (48) самый ранний пример с одиночным инфинитивом перед *который* в Основном корпусе.

- (46) *Вторая из помянутых книг, которую я ныне пройти хочу, пишет: De Aqua medicina universalis («О воде, как о общем всех болезней лекарстве»)* [М. В. Ломоносов. О сохранении здоровья [перевод] (1741)].
- (47) *Некоторые имена существенные переведены, которых переводить не надлежало* [В. Н. Татищев. Письмо В. К. Тредиаковскому (1736)].
- (48) *Должно было отказаться от цели, достигнуть которой постоянно стремились мы в течение трех лет, презирая все лишения, трудности и опасности* [Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1841)].

Все три паттерна встречаются и в современном языке, ср. эффект крысолова в (49), эффект крысолова с инверсией в (50) и отсутствие эффекта в (51). Последовательность

³ Здесь и далее мы помечаем носители коммуникативно релевантных акцентов знаками «\», «/», «\\», «//», в целом следуя нотации [Янко 2001: 36–37].

из слова *который* и инфинитива представлена в Газетном корпусе по меньшей мере 170 вхождениями, что опровергает мнение, высказанное в [Лютикова 2009: 506], о недопустимости такого линейного порядка в современном языке⁴.

- (49) *Неймар, безусловно, ключевой игрок сборной Бразилии, заменить которого будет практически нереально* [Известия, 2014.07.07].
- (50) *Они заварили кашу, которую расхлебывать придется довольно долго* [Труд-7, 2004.02.27].
- (51) *Даст Бог, и на втором международном фестивале в Тольятти, который планируется провести в 2002 году, тоже будет много света и красоты* [Труд-7, 2000.05.04].

Вместе с тем с точки зрения предпочтительных паттернов современный язык отличается от языка XVIII–XIX вв. Во-первых, сегодня заметно возросла частотность конструкций с эффектом крысолова без инверсии, ср. рис. 1. Оговоримся, что рост частотности в единицах *item per million* (ipm), отраженный на рис. 1, на первый взгляд, мог бы объясняться сдвигами в общей частотности тех или иных разновидностей инфинитивных конструкций, а не ростом частотности собственно эффекта крысолова. В действительности, однако, такая интерпретация выглядит неправдоподобной. Если бы за данными на рис. 1 стоял рост употребительности инфинитивных конструкций в целом, проявления этой тенденции ожидалось бы и для конструкций с инфинитивом, контактно следующим за словом *который*. Между тем, как показано на рис. 2 (с. 52), конструкции такого типа по сравнению с XVIII–XIX вв. претерпели заметное снижение частотности в единицах ipm.

Рис 1. Частотность в ipm выноса в позицию перед *который* одиночного инфинитива в период после 1700 г. по данным Основного корпуса НКРЯ⁵

Во-вторых, в современном языке заметно более ограниченно, чем в XVIII–XIX вв., допускается контактное расположение инфинитива справа от местоимения (что отражает

⁴ Запрос: *который* -nom -dat asomma на расстоянии 1 от *"есть"* V_{inf} -amark. Ручной фильтрации не проводилось, однако беглый просмотр результатов показал, что нерелевантные примеры в выборке единичны. Кроме того, в выборку не попало некоторое количество релевантных примеров с *который* в дательном падеже: они были исключены из запроса потому, что *который* в дативе может не управляться инфинитивом (ср. (i)), что не отвечает представлению об эффекте крысолова.

(i) *Особенно для югославы, которым отступать уже некуда* [Труд-7, 2001.04.27].

⁵ Запрос: *"есть"* v inf asomma на расстоянии 1 от *который* -nom -dat -amark. Формы именительного и дательного падежа местоимения *который* исключены из запроса для сопоставимости данных на рис. 1 и 2.

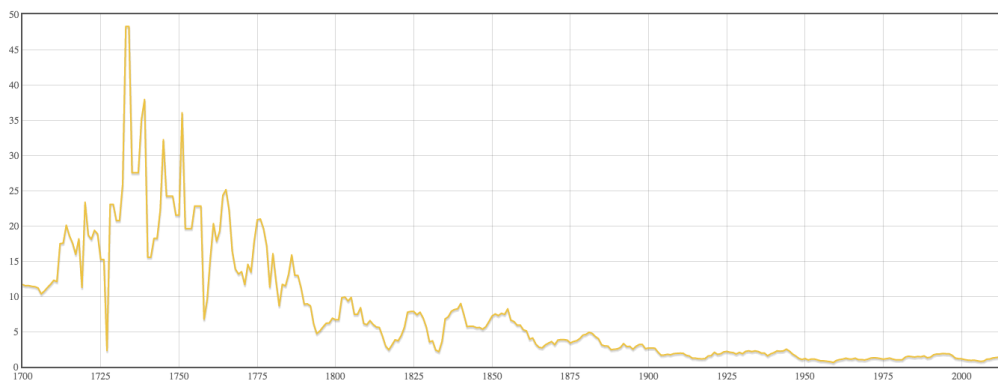

Рис 2. Частотность в *ipm* инфинитива, управляющего словом *который* и контактно следующего за ним, в период после 1700 г. по данным Основного корпуса НКРЯ⁶

и рис. 2). Основное ограничение состоит, по-видимому, в том, что такая позиция затруднена в предложениях, для которых позиция инфинитива в начале клаузы (точнее, перед финитным предикатом) неуместна вне относительного придаточного, т. е. при независимом статусе клаузы. Другими словами, позиция инфинитива в начале клаузы должна согласовываться с реестром допустимых в современном языке коммуникативных структур (см. о них [Падучева 2016]). Так, предложения (52а) и (53а) производят впечатление архаичных, и в соответствии с этим начальный инфинитив вне относительной клаузы с позиций современной нормы неуместен, ср. (52б) и (53б), поскольку в такой конфигурации в реме остается предикат, которому этот статус несвойствен. Отметим, что синтаксическое членение (52) и (53) становится приемлемым в контексте контрастной ремы (*говорить речь мне*|| велено; *достигнуть совершенства нужно*|| стараться)⁷. Однако контраст отсутствует в исходных примерах (52а) и (53а), а именно они, по-видимому, задают ориентир, от которого следует отталкиваться при оценке соответствия конструкции с начальным инфинитивом общему реестру коммуникативных структур.

(52) а. *Речь, которую говорить мне повелено, состоять будет в похвалах блаженные и вечностойныя памяти Государя Императора Петра Великого* [М. В. Ломоносов. Проект на иллюминации на торжество Академии наук для пресветлого празднества рождения Ея Императорского Величества, к 19 декабря 1754 года (1754)].

б. *Говорить речь/ мне велено*↓.

(53) а. *И сие то есть самый высочайший степень совершенства, которого достигнуть стараться должно* [Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767)].

б. *Достигнуть совершенства/ нужно стараться*↓.

Напротив, в современных примерах с контактным расположением инфинитива справа от *который* начальная позиция инфинитива вне относительной клаузы ощущается как естественная, ср. (54) и (55). Заметим, что среди таких примеров есть как те, в которых инфинитив имеет статус подлежащего и, тем самым, и в нейтральной коммуникативной структуре предшествует предикату (54), так и те, в которых инфинитив соответствует дополнению (54). (В том, что инфинитивная клауза при предикативе *сложно* в (54) соответствует

⁶ Запрос: *который* -nom -dat асomma на расстоянии 1 от *"есть"* V_{inf} -amark.

⁷ Мы признательны анонимному рецензенту за это уточнение.

подлежащему, помогают убедиться критерии, предложенные в [Летучий 2020: 370 и сл.], в частности заменимость клаузы на местоимение *это*, ср. *это было очень сложно*.)

(54) а. *Устранение с помощью повышения — так перевели в Москву Наздратенко, которого убрать другим способом было очень сложно* [Комсомольская правда, 2001.03.28].

б. *Убрать его другим способом было очень сложно*.

(55) а. *Люди поняли, что они получают деньги, которыми распоряжаться свободно не могут* [Известия, 2014.04.17].

б. *Распоряжаться деньгами свободно они не могут*.

В контекстах, для которых начальная позиция инфинитива вне относительной клаузы является неестественной, в современном языке предпочитается вариант без эффекта крысолова, ср. модификацию примеров (52) и (53):

(56) *Речь, которую мне велено говорить...*

(57) *...совершенства, которого нужно стараться достигнуть*.

Если же препозиция инфинитива вне относительной клаузы приемлема, эффект крысолова без инверсии имеет приоритет перед эффектом крысолова с инверсией. Ср. пример XVIII в. с инверсией в (58а): хотя коммуникативная структура с начальным инфинитивом (58б) вне относительной клаузы приемлема, в современном языке вариант без инверсии (58в) является предпочтительным по сравнению с вариантом (58а).

(58) а. *Получив отказ, объявил он нам войну, которой выдержать мы никакого способа не имеем* [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766–1768)].

б. *Выдержать войну мы никакого способа не имеем*.

в. *Получив отказ, он объявил нам войну, выдержать которую мы никакого способа не имеем*.

2.5. Релятивизация ИГ, подчиненной финитному глаголу

В отличие от рассмотренных выше контекстов, в которых эффект крысолова для современного языка является или обязательным (ср. генитивную ИГ), или распространенным (ср. инфинитивную клаузу), вынос в позицию перед *который* финитной формы глагола, как в (59), для современного языка не характерен. В Газетном корпусе таких конструкций лишь 193 — против 1823 конструкций с выносом инфинитива⁸. С учетом того, что общая частотность финитных форм выше, чем частотность инфинитивов (глаголы в индикативе и сослагательном наклонении примерно в четыре раза более частотны в Газетном корпусе, чем инфинитивы), преобладание конструкций с выносом инфинитива оказывается значительным.

(59) *Хороший пример — прошлый пушкинский год, отмечал который весь мир* [Труд-7, 2000.08.15].

Это обусловлено ограничениями на структуру относительных клауз, продиктованными их коммуникативной организацией [Лютикова 2019]: группа, вынесенная на левую

⁸ Запросы: V.indic -s асomma на расстоянии 1 от которых -amark; -"есть" v inf асomma на расстоянии 1 от которых -amark.

периферию относительной клаузы, получает статус темы, тогда как финитному глаголу больше свойственна позиция в составе ремы.

В языке XVIII–XIX вв. эффект крысолова в контексте финитного глагола также был мало-частотен или отсутствовал вовсе: в Подкорпусе текстов 1700–1900 гг. таких примеров нет. Это неудивительно, учитывая редкость выноса финитного глагола в современном языке и то, что эффект крысолова без инверсии наращивал частотность ближе к XIX — началу XX в.

Что касается двух других паттернов — отсутствия эффекта крысолова и эффекта крысолова с инверсией — они как будто представлены и в современных текстах, и в текстах XVIII–XIX вв. Так, в (60) и (61) финитный глагол контактно следует за управляемым им местоимением, что (по крайней мере, на первый взгляд) отвечает представлению об эффекте крысолова с инверсией, тогда как в (62) и (63) финитный глагол расположен дистантно от местоимения, так что эффект крысолова отсутствует.

(60) *И просил его, дабы от своей стороны помог отомстить обиду, которую учинил ему рижской губернатор Дальберх в Риге, что едва живот спасся; что оной обещал* [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)].

(61) *В погоню за неуловимым аферистом пускается агент ФБР, которого исполнил Том Хэнкс* [коллективный. Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006–2011)].

(62) *Но стихотворцем безъ природнаго таланта, который Французы называютъ genie, (...) никакъ здѣлаться не можно* [[В. К. Тредиаковский?]. О качествахъ стихотворца рассуждение // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь — Июнь, 1755 года, 1755].

(63) *...тот путь, который Комитет прошел за неполные три года своего существования* [А. В. Конузин. Интервью по вопросам КТК // «Дипломатический вестник», 2004].

Однако, как отмечалось выше, расположение вершины, управляющей местоимением *который*, справа от местоимения, не гарантирует того, что эффект крысолова представляет собой непосредственную причину такого расположения. Вершина могла оказаться в соответствующей позиции еще до релятивизации или попасть туда в результате реорганизации коммуникативной структуры, сопутствующей релятивизации. По сравнению с рассмотренными выше синтаксическими контекстами, в контексте финитного глагола особенно напрашивается последняя интерпретация: тематизация местоимения *который* часто сопровождается обязательной субъектно-предикатной инверсией [Лютикова 2019: 16]. Так, для предложения (61) в качестве исходного синтаксического членения естественно рассматривать структуру (64), из которой (61) получено выносом местоимения *который* в позицию темы и последующей субъектно-предикатной инверсией, обеспечивающей создание новой ремы *Том Хэнкс*.

(64) *Том Хэнкс исполнил которого.*

Напомним, что решение отмеченной трудности мы отложили до раздела 3, а в настоящем разделе подходим к разграничению разных паттернов эффекта крысолова формально: относя к эффекту крысолова с инверсией те конфигурации, в которых вершина местоимения контактно следует за ним справа.

2.6. Релятивизация ИГ, подчиненной наречию

В [Лютикова 2009: 476] отмечается, что вынос наречия на левую периферию относительной клаузы («эффект крысолова без инверсии» в наших терминах) обязателен

в современном языке в случае, если группа наречия является адьюнктом. Если же группа наречия представляет собой комплемент или адъект (как правило, при глаголах позиции и местоположения или в конструкциях со связкой), допустимо отсутствие эффекта крысолова. Проиллюстрируем это наблюдение примерами из Газетного корпуса. В (65) с наречием — зависимым бытийного глагола и в (66) с наречием при бытийном же глаголе *оставаться* эффект крысолова отсутствует. Между тем в (67а) и (68а), где наречие соответствует адьюнкту, эффект крысолова обязателен, ср. (67б) и (68б).

- (65) *Очень талантливый актер и при этом великодушный человек, с которым хорошо быть рядом, от него исходит исцеляющая энергия* [Известия, 2013.01.14].
- (66) *...Нравились ясные и мимолетные образы, с которыми она оставалась наедине* [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)].
- (67) а. *Потом вышел на другую сторону и увидел деревню, рядом с которой зарастал травой и тиной грязный пруд* [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000].
 б. *??деревню, с которой зарастал рядом травой и тиной грязный пруд.*
- (68) а. *В казахском городке Уральск, недалеко от которого погиб знаменитый герой гражданской войны Чапаев, у Свечникова живут родители* [Новый регион 2, 2004.07.17].
 б. *??В казахском городке Уральск, от которого знаменитый герой гражданской войны Чапаев погиб недалеко, у Свечникова живут родители.*

В текстах XVIII–XIX вв. эффект крысолова также встречается, ср. (69).

- (69) *Постановления царя Иоанна Васильевича, вместе с которыми я посылаю объяснения слов* [В. Н. Татищев. Письмо И. Д. Шумахеру (1735)].

Наряду с эффектом крысолова, в XVIII–XIX вв. встречается эффект крысолова с инверсией. Оговоримся, что в контексте наречия правомерность термина «инверсия» не бесспорна в связи с отсутствием явно приоритетного линейного порядка наречия и его зависимого, ср. допустимые в современном языке *рядом с родителями* и *с родителями рядом*, а также в связи с более широкой употребительностью постпозиции наречия в языке XVIII–XIX вв. Вместе с тем для большинства рассматриваемых здесь наречий (*рядом, недалеко, навстречу*) препозиция, по-видимому, несколько менее маркирована, чем постпозиция, и сегодня, и в языке XVIII–XIX вв. См. в табл. 1 данные для наречия *рядом*: хотя доля постпозиции в Газетном корпусе значимо ниже, чем в подкорпусе XVIII–XIX вв. (χ^2 , $P < 0,01$), и в последнем она невелика.

Таблица 1

Сопоставительная частотность препозиции и постпозиции наречия *рядом* по отношению к предложной группе в подкорпусе XVIII–XIX вв. и Газетном корпусе НКРЯ⁹

	<i>с S рядом</i>	<i>рядом с S</i>	доля постпозиции
1700–1900	316	2599	0,11
Газетный	345	11055	0,03

⁹ Запросы: с на расстоянии 1 от (S | SPRO),ins -a -amark на расстоянии 1 от рядом -amark; рядом на расстоянии 1 от с -amark на расстоянии 1 от (S | SPRO),ins -a -amark.

Кроме того, в паттерне эффекта крысолова с инверсией в XVIII–XIX вв. и сегодня обнаруживается различие (демонстрируемое ниже), которое, по-видимому, не сводимо к различиям в частотности линейного порядка с постпозитивным наречием.

При эффекте крысолова с инверсией отмеченный выше контраст между комплементами и адьюнктами в языке XVIII–XIX вв. как будто отсутствует. В (70а)–(72а) эффект крысолова с инверсией затрагивает наречие в статусе, близком к комплементу, а в (73а) и (74а) — наречие в статусе адьюнкта. Для сравнения, с позиций современной нормы в первой группе примеров отсутствие эффекта крысолова (70б)–(72б) представляется более уместным, чем во второй (73б), (74б), тогда как эффект крысолова без инверсии (70в)–(74в) уместен в обеих группах. Тем самым, с точки зрения противопоставления адьюнктов и комплементов эффект крысолова с инверсией и без нее ведет себя единообразно. Отметим, что этот факт получает естественное объяснение в терминах порождающей грамматики, если считать, что при инверсии выноса слова *который* за пределы максимальной проекции, содержащей *который* в базовой позиции, не происходит (см. подробнее об этой трактовке в разделе 3). В этом случае оказывается, что такой вынос имеет место только в отсутствие эффекта крысолова, причем адьюнкты, представляющие собой, в отличие от комплементов, островную структуру, этот вынос блокируют.

(70) а. *К крыльцу подъехал Мановский, с которым рядом сидел исправник, а на передней скамейке помещался у них стряпчий, корявейшая физиономия, когда-либо существовавшая в мире* [А. Ф. Писемский. Боярщина (1858)].

б. *Мановский, с которым исправник сидел рядом...*

в. *Мановский, рядом с которым сидел исправник...*

(71) а. *Его бред упал на подготовленную почву нервного расстройства, в вас назревавшего и которому навстречу вы сами шли с тем легким кокетством, что свойственно почти всем неврасстеникам: пока нет невроза — почти обидно, зачем его нет, что, мол, я за грубая натура такая, что лишен его интересной чуткости?* [А. В. Амфитеатов. Жар-цвет (1895)].

б. *Его бред упал на подготовленную почву нервного расстройства, к которому вы сами шли навстречу...*

в. *...нервного расстройства, навстречу которому вы сами шли.*

(72) а. *Порфирий однажды вечером, в осеннее время, посетил старцев скита, от которого недалеко была его пустыня* [епископ Игнатий (Брянчанинов). Правильное состояние духа (1860–1866)].

б. *...посетил старцев скита, от которого его пустыня была недалеко.*

в. *...посетил старцев скита, недалеко от которого была его пустыня.*

(73) а. *Жизнь моя, с которой рядом будет действовать и перо мое, укажет мне со временем, что в такой борьбе чувств природных с общим мнением может быть поставлено твердым правилом для поступков чести и совести* [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни (1788–1822)].

б. *??жизнь, с которой будет действовать и перо мое рядом.*

в. *...жизнь, рядом с которой будет действовать и перо мое.*

(74) а. *Потом путь идет под гору к небольшому мостику, **от которого недалеке** растут две очень ветвистые березы; затем опять надо идти в гору* [А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869)].

б. *...к мостику, **от которого растут недалеко** две березы.*

в. *...к мостику, **недалеко от которого** растут две березы.*

Отсутствие эффекта крысолова в текстах XVIII–XIX вв. также допускалось (75), (76). Правда, примеров с отсутствием эффекта в контексте адъюнкта нам не встретилось, поэтому вопрос о том, имело ли место в этом случае противопоставление между комплектами и адъюнктами, подобное современному, остается открытым.

(75) *Он был любимцем и баловнем Мавры Сергеевны Бахметьевой, смотревшей на него, как на родного сына и брата своей дочери, с которой часто и беспрепятственно оставляла наедине* [Н. Э. Гейнце. Аракчеев (1898)].

(76) *Углаков между тем все время потихоньку шутил с Сусанной Николаевной, с которой он сидел рядом* [А. Ф. Писемский. Масоны (1880)].

До сих пор мы ничего не сказали о приемлемости эффекта крысолова с инверсией в современном языке. Такое употребление не исключено (77), (78), но подчиняется, по-видимому, следующему ограничению: расположение наречия после местоимения *который* уместно лишь в тех контекстах, в которых *который* или доминирующая над ним предложная группа могут интерпретироваться как зависимые предиката, организующего относительное придаточное, а не наречия. В (77) и (78) такая интерпретация возможна; показательно, что глаголы *оставить* и *жить* имеют активную синтаксическую валентность на предложную группу с предлогом *с*, а наречия *наедине* и *рядом* в (77) и (78) можно опустить. Напротив, в (79) и (80) интерпретация предложной группы, содержащей *который*, как зависимого глагола, а не наречия, не представляется возможной: у глаголов *расположиться* и *встречаться* нет соответствующей активной синтаксической валентности, и наречие опустить нельзя (ср. **Иванов, с которым я расположился*; **место, от которого я встречался*).

(77) *Форвард «Москвы» не смог переиграть Карчемарскаса, **с которым (наедине)** его гостеприимно оставили защитники бело-голубых* (Google).

(78) *Недавно одна из наших читательниц рассказала о такой драме, пережитой у ее семьи на глазах собакой, видевшей, как закопали погибшую кошку, **с которой (рядом)** жили они несколько лет* [Комсомольская правда, 2001.11.23].

(79) *...Это был Иванов, **с которым рядом** я расположился, войдя в комнату.*

(80) *...Это было место, **от которого недалеко** я встречался со своим приятелем Ивановым.*

Принципиальное отличие языка XVIII–XIX вв. видится в том, что аналогичное ограничение в нем отсутствовало: среди примеров этого периода с эффектом крысолова и инверсией мы находим и такие, в которых интерпретация группы, содержащей *который*, как не зависящей от наречия исключена. Ср. невозможность опустить наречие в (73а) и (74а):

(81) *Жизнь моя, **с которой** ^{??}(рядом) будет действовать и перо мое.*

(82) *Потом путь идет под гору к небольшому мостику, **от которого** ^{*}(недалеке) растут две очень ветвистые березы.*

Налицо сходство продемонстрированного ограничения с тем, которое имеет место при релятивизации ИГ-актанта в косвенном падеже (раздел 2.2). Это дает основания усматривать у двух ограничений общие причины, о которых речь пойдет в разделе 3 (а также позволяет считать, что большая распространенность постпозиции наречия по отношению

к своему зависимому в языке XVIII–XIX вв. — не единственная причина большей употребительности линейного порядка *который*+нарекание в этот период по сравнению с современным узусом).

2.7. Предварительные выводы

Результаты сопоставления паттернов эффекта крысолова в текстах XVIII–XIX вв. и в современных текстах суммированы в таблице 2. Прокомментируем обозначения в таблице. Знаком «+» отмечены допустимые паттерны, знаком «–» недопустимые паттерны, знак «+/-» означает, что паттерн применяется с ограничениями. Знаком «?» помета сопровождается в случае, если уверенного ответа о приемлемости паттерна получить не удалось. Напомним, что применительно к паттерну «эффект крысолова с инверсией» данные в табл. 2 предварительные (оценивалась, строго говоря, приемлемость не инверсии, а контактного следования вершины за местоимением); уточненные данные см. в разделе 3.

Таблица 2

Паттерны эффекта крысолова (ЭК) в языке XVIII–XIX вв. и сегодня

Контекст	ЭК		ЭК с инверсией		Без ЭК	
	XVIII–XIX вв.	Сегодня	XVIII–XIX вв.	Сегодня	XVIII–XIX вв.	Сегодня
ИГ в генитиве в составе ИГ	+	+	+	–	+	–
ИГ в другом косвенном падеже в составе ИГ	+/- (ближе к XX в.)	+	+	+/-	+	+/-
ИГ в составе количеств. конструкции	+/- (кроме числ.; начиная с XIX в.)	+/- (кроме числ.)	+	+/- (ОК, если числ. — рема)	+	+
ИГ, подчиненная инфинитиву	+	+	+	+/-	+	+
ИГ, подчиненная финитному глаголу	–?	+/-	+	+	+	+
ИГ в составе ГНар	+	+	+	+/-	+?	+/- (при комп. и адъектах)

Данные в таблице 2 позволяют сформулировать следующие основные выводы.

— Эффект крысолова (без инверсии) в одних контекстах регистрируется уже в XVIII в., в других — ближе к XX в., а сегодня является допустимым паттерном для всех

- рассмотренных контекстов (за исключением количественной конструкции с числительным, см. раздел 2.3).
- Эффект крысолова с инверсией и отсутствие эффекта крысолова в языке XVIII–XIX вв. были допустимы во всех рассмотренных контекстах. Сегодня они более ограничены в употреблении.

3. К интерпретации произошедших синтаксических изменений

В настоящем разделе переход от эффекта крысолова с инверсией к эффекту крысолова без инверсии предлагается объяснять действующими сегодня ограничениями на коммуникативную организацию предложения (подраздел 3.1); демонстрируется предсказываемая этой гипотезой большая свобода коммуникативной организации в языке XVIII–XIX вв. (подраздел 3.2).

3.1. Гипотеза о роли коммуникативной структуры в отказе от инверсии

Различия в паттернах эффекта крысолова, продемонстрированные в предыдущем разделе, рождают следующие два вопроса:

- 1) что явилось источником паттернов, характерных для XVIII–XIX вв.?
- 2) что стало причиной синтаксических сдвигов, приведших к новым, современным, паттернам?

Мы оставляем в стороне первый вопрос (см. о нем [Зализняк, Падучева 1979: 321; Raparport 1995; Hüttl-Folter 1996; Круглов 2003; 2006; Холодилова 2013: 96] и др.), но примем попытку ответить на второй.

Произошедший за последние два века переход от постпозиции вершины слова *который* к ее препозиции при эффекте крысолова предлагалось связывать с более общим сдвигом в правилах порядка слов: зависимое в генитиве в языке XVIII–XIX вв. с большей вероятностью, чем сегодня, предшествовало своей именной вершине [Зализняк, Падучева 1979: 321]. Это объяснение не кажется исчерпывающим. Во-первых, постпозиция вершины в той или иной мере уступила место препозиции не только в конструкции с генитивным зависимым; во-вторых, препозиция генитива не исключена и в современном языке, ср. (83); и в-третьих, как показано в [Лютикова 2009: 505–506], препозиция генитивного зависимого вне относительного придаточного в XIX в. была менее частотна, чем препозиция генитивного *который* в релятивной клаузе.

- (83) — *Какой там муж!* — *обиделась, поджав губы, старуха. Это мужа моего отец* [«Октябрь», 1996].

В [Круглов 2003; 2006] высказывается предположение, согласно которому и распространение в XVIII–XIX вв. паттерна с постпозицией вершины, и дальнейший уход от него были спровоцированы влиянием французского языка, хотя и разными его относительными конструкциями. Постпозиция вершины имела своим источником французские конструкции с местоимением *dont* (ср. (9)), тогда как препозиция вершины восходит к относительной конструкции с местоимением *duquel*, в составе которой именное зависимое следует за вершиной. Уязвимым местом этого рассуждения видится то, что без дополнительных

пояснений непонятна хронология такого влияния: почему порядок, ассоциируемый с *dont*, сначала оказался «сильнее» порядка, характерного для *duquel*, а позднее уступил ему? Но даже если влияние *duquel* действительно имело место, изменения, произошедшие за пределами ИГ с генитивом, им как будто не объясняются.

Согласно [Круглов 2006: 106], см. также [Булаховский 1954: 440], особую роль в обсуждаемом синтаксическом сдвиге сыграли конструкции с релятивизацией имени в составе предложной группы (ср. *на которого место* в (17)). Такие конструкции поддерживали новый линейный порядок потому, что при старом порядке между предлогом и его зависимым помещалось несогласованное определение, что несвойственно русскому синтаксису. Однако тот факт, что сдвигом оказался затронут широкий круг контекстов (а не только конструкции с генитивом), снова не позволяет ограничиться этим объяснением.

Гипотеза, которую мы хотим предложить, связывает произошедший сдвиг в паттернах эффекта крысолова с более общими изменениями в коммуникативной структуре предложения. В конструкциях с постпозицией вершины, архаичных или неграмматичных с точки зрения современной нормы, слово *который* и его вершина представляли собой каждое отдельную тему, как это показано в (84а) и (85а). Напротив, в современной конструкции с препозицией вершины позицию темы занимает целиком группа, включающая *который* и его вершину, ср. (84б) и (85б).

(84) а. *Волк выздоровел сперва и посетил медведя, [которого]_{Т1} [болезнь]_{Т2} еще не миновалась* [Д. И. Фонвизин. Волк и медведь [перевод басни Л. Хольберга с немецкого] (1761–1765)].

б. *Волк выздоровел первым и посетил медведя, [болезнь которого]_Т еще не миновала.*

(85) а. *...не знал судья, что сделать должно, ибо, с одной стороны, были довольные доказательства, [которых]_{Т1} [опровергнуть]_{Т2} было невозможно, а с другой — ослота глупость была явным знаком, что лисицына просьба несправедлива* [Д. И. Фонвизин. Лисица требует осла в суд [перевод басни Л. Хольберга с немецкого] (1761–1765)].

б. *...с одной стороны, были доказательства, [опровергнуть которые]_Т было невозможно.*

Основанием для большей коммуникативной автономности *который* и его вершины при постпозиции последней служит то, что и синтаксически эти компоненты связаны теснее в случае препозиции вершины, чем в случае постпозиции. Приведем аргументы в пользу такого предположения.

Во-первых, слово *который*, предшествующее вершине, могло отделяться от нее другими словами, что для современной конструкции с эффектом крысолова не характерно, ср. варианты (а) и (б) в (86)–(89) (возможность разрыва с помощью фокусных частиц, как в (86а), упоминается в [Холодилова 2011б]). В Газетном корпусе НКРЯ примеров с разрывом, подобных варианту (б) (в том числе с разрывом посредством частицы *бы*, который по сравнению с другими ощущается как более приемлемый), не встретилось¹⁰.

(86) а. *Переходим теперь к детальному обозрению этой мысли, **которой только тему мы изложили*** [В. В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского (1893–1906)].

¹⁰ По наблюдению анонимного рецензента, примеры типа (89а) не показательны, потому что в них можно усматривать как наличие, так и отсутствие эффекта крысолова. В последнем случае линейный разрыв слова *который* с вершиной объясняется просто тем, что они не образуют единой составляющей. Тем не менее, на фоне примеров (86а)–(88а) допустимость линейного порядка, иллюстрируемого в (89а), как кажется, заслуживает упоминания.

- б. ^{??}Переходим теперь к детальному обзору этой мысли, **тему только которой** мы изложили. (хотя можно: мы тему только изложили).
- (87) а. Не походи он на своих современников, он бы исчез бесплодно, как непонятное, никому не нужное явление, — пришелец среди народа, **которого даже языка он не понимает** [Н. К. Михайловский. Десница и шуйца Льва Толстого (1878)].
- б. ^{??}народа, **языка даже которого он не понимает** (хотя можно: он языка даже не понимает).
- (88) а. Митрополитъ желаетъ, чтобъ на время призванъ былъ сюда кievскій митрополитъ Евгений, **котораго бы попеченію** особенно поручено было устроить духовныя училища [А. С. Шишков. Записки (1824–1826)].
- б. [?]митрополит Евгений, **попечению бы которого** было поручено устроить духовныя училища.
- (89) а. ...взамен коих генерал Сакен, для шуток, поручил мне просить Газеты Маянской, **которой действительно экземпляр** был мне вручен и доставлен мною корпусному командиру [Д. В. Душенкевич. Из моих воспоминаний от 1812-го года до (1815-го года) (1838)].
- б. ^{??}газеты, **экземпляр действительно которой** был мне вручен.

Во-вторых, предположение о более тесной синтаксической связи слова *который* и его вершины при постпозиции последней помогает объяснить некоторые из контрастов, отмеченных нами в разделе 2. Остановимся на контрасте, демонстрируемом конструкцией с числительным: числительное может располагаться справа от местоимения (90а), но не слева (90б).

- (90) (=38)) а. В эти пруды, *сверх того, проведены каналы из отхожих мест, устроенных при мечетях, **которых одна, две и больше** находятся почти в каждой деревне* [А. А. Рафалович. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты (1850)].
- (=41)) б. ^{??}В эти пруды, *сверх того, проведены каналы из отхожих мест, устроенных при мечетях, **одна, две и больше которых** находятся почти в каждой деревне*.

Запрет, иллюстрируемый примером (90б), является, по-видимому, частным проявлением более общего запрета на сочетание количественных числительных с местоимениями-существительными, в частности с личными местоимениями, ср. (91) и (92).

- (91) *Трое / ^{??}Три их, значит, сидят и на меня глядят* [Юрий Казаков. Ночь (1955)].
- (92) *Прошли мы еще немного далее, и было убито еще четыре бойца, из них двое / ^{??}два тех, которых мы несли* [Н. И. Махно. Воспоминания (1929)].

Не вдаваясь в причины этого запрета, отметим, что его природа, как кажется, та же, что и природа тенденции к расположению указательных местоимений перед количественными числительными: в Основном корпусе НКРЯ сочетания с препозицией местоимения (ср. *эти пятнадцать лет*) примерно в семь раз более частотны, чем сочетания с препозицией числительного (ср. *пятнадцать этих лет*)¹¹. Эта тенденция, отмечаемая как типологически регулярная в [Dryer 2018], в порождающей грамматике находит отражение

¹¹ 2946 вхождений по запросу «количественное числительное на расстоянии 1 от этот на расстоянии 1 от с» и 14 409 вхождений по запросу «этот на расстоянии 1 от количественного числительного на расстоянии 1 от с».

в структуре именной группы: количественная группа занимает в структуре место внутри группы определителя (см., например, [Pereltsvaig 2007]). Семантическая основа тенденции видится в том, что «сфера действия» указательного местоимения, наделяющего ИГ определенным референциальным статусом, в общем случае должна быть шире «сферы действия» числительного, которое определенного статуса может не предполагать (ср. *какие-нибудь три коробки*, но [?]*какие-нибудь эти коробки*). Сочетание числительного с личным местоимением нарушает это требование, поскольку личное местоимение само по себе имеет определенный референциальный статус.

Отсутствие запрета на сочетание *который* с количественным числительным, следующим за словом *который*, согласуется с предположением о том, что синтаксическая связь между числительным и *который* устроена по-разному при пре- и постпозиции числительного: в первом случае эта связь более тесная, чем во втором.

Идею о меньшей синтаксической спаянности слова *который* и следующей за ним вершины удачно отражает структурный анализ, предлагавшийся для французских относительных клауз с местоимением *dont* в [Heck 2009]. Согласно ему, *dont* вместе со своей вершиной сначала выносится на левую периферию клаузы (т. е. демонстрирует эффект крысолова), а затем, не пересекая границу максимальной проекции, передвигается в позицию спецификатора той группы, в которую входит. При аналогичном анализе клауз с *который*, демонстрирующих эффект крысолова с инверсией, местоимение *который* оказывается в спецификаторе группы детерминатора (DP), ср. (93а). Между тем при эффекте крысолова без инверсии слово *который* не подвергается передвижению внутри доминирующей составляющей [Лютикова 2009: 506], т. е. занимает в ее составе исходную позицию — комплемента вершины в (93б). Существенно, что спецификатор по определению связан с вершиной менее тесно, чем комплемент или адьюнкт [Тестелец 2001: 565].

- (93) а. человек, [_{DP} которого [*мать которого*]] мы вчера видели *мать-которого*
 б. человек, [_{DP} *мать* [которого]] мы вчера видели *мать-которого*

Итак, мы предполагаем, что в конструкции с постпозицией вершины слова *который*, характерной для XVIII–XIX вв., синтаксическая и коммуникативная связь между словом *который* и его вершиной была менее тесной, чем в современной конструкции с эффектом крысолова без инверсии: *который* и его вершина представляли собой две относительно автономные темы, при этом местоимение находилось в позиции спецификатора, а не комплемента. Повторим для удобства иллюстрирующие эту интерпретацию примеры:

- (94) а. ...посетил медведя, [которого]_{T1} [болезнь]_{T2} еще не прошла.
 б. ...посетил медведя, [болезнь которого]_T еще не прошла.

Отметим, что независимый коммуникативный статус спецификатора, постулируемый в (94а), встречается и за пределами рассматриваемой конструкции. Так, отдельную тему может составлять ИГ-посессор, занимающая позицию спецификатора DP, в (95); ср. естественность двух последовательных восходящих акцентов на посессоре и вершине (первый из них — менее интенсивный, чем второй, что соответствует, по-видимому, совпадению второго акцента с границей объемлющей максимальной проекции). В (96) посессор относится к теме, а вершина является частью ремы.

- (95) [*Моей мамочки*]_{T1} [*мамочка*]_{T2} была еврейской гувернанткой в семье Хуонга Ксян Нгузм [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)].
 (96) [*Казачка/ нашего*]_T [*отец\ приехал*]_R! [Эдмонд Кеосаян, Сергей Ермолинский. Неуловимые мстители, к/ф (1966)].

И в (95), и в (96) посессор и его вершина входят в группу подлежащего, однако это не обязательно: аналогичная конфигурация с вершиной в позиции дополнения, как кажется, также

допустима, ср. (97). Обратим внимание, что (97) демонстрирует сходство со структурой типа (94a) не только в том, что спецификатор получает статус отдельной темы, но и в том, что соответствующая DP вынесена из базовой позиции после глагола на левую периферию клаузы¹².

(97) [Моей мамочки]_{Т1} [мамочку]_{Т2} с детства определили в семью Хуонга Ксян Нгуэм.

Предлагаемая трактовка конструкций с эффектом крысолова и инверсией, однако, означает, что такая конструкция **не отвечает коммуникативным требованиям**, которые предъявляет к высказыванию с несколькими темами современная норма. Дело в том, что при постпозиции вершины коммуникативно главной оказывается тема, выраженная вершиной, — линейно вторая. Коммуникативно вспомогательный статус темы, выраженной местоимением, связан, во-первых, с тем, что только вторая тема является знаменательной, а во-вторых, с тем, что тема, выраженная *который*, все же не обладает настоящей синтаксической автономностью — она входит в состав максимальной проекции, образуемой вершиной. Последнее хорошо видно при сравнении конструкции типа (94a) с конструкцией, где *который* предшествует синтаксически не доминирующей над ним теме, как в (98) и (99). (О том, что в элективной конструкции с предлогом *из*, как в (98), группа числительного и предложная группа не образуют единой составляющей, т. е. имеют структуру [5 моделей] [из 100 автомобилей], косвенно свидетельствует более свободный порядок компонентов в этой конструкции по сравнению с беспредложной количественной конструкцией и большая отделимость компонентов, ср.: 5 моделей из 100 автомобилей / из 100 автомобилей 5 моделей vs. 5 моделей автомобилей / *автомобилей пять моделей; из 100 автомобилей сразу 5 моделей vs. *автомобилей сразу 5 моделей.)

(98) Более 2 тыс. компаний из 18 стран мира (...) представили около 1,5 тыс. новых автомобилей, [из которых]_{Т1} [109 моделей]_{Т2} стали мировой премьерой [«Эксперт», 2015].

(99) С подыскивания помещения, регистрации устава, [который]_{Т1} [Андрей]_{Т2} же и сочинял на домашнем компьютере — лэптопе [Интернет-альманах «Лебедь», 2003.11.30].

Предложная группа *из которых* в (98) и именная группа *который* в (99) в силу своей синтаксической автономности образуют «главную» тему, тогда как в (94a) этого не происходит, и в результате возникает структура с двумя темами, из которых главная — вторая. Между тем в современных конструкциях с множественными темами главной должна быть та, которая занимает первую позицию. Так, согласно [Падучева 2016: 53], в последовательности из нескольких тем только первая, как правило, может быть контрастной. Поэтому в примере (100), где по смыслу контрастной должна быть первая тема, поменять темы местами нельзя¹³.

¹² Вместе с тем обсуждаемая коммуникативная структура отклоняется от канона, в соответствии с которым коммуникативное членение отвечает синтаксическому, и подчиняется специфическим ограничениям. Так, в (ii), по наблюдению рецензента, группа прилагательного *Колиных*, занимающая позицию Spes, DP, не может составить отдельной темы (хотя может, по-видимому, составить отдельную контрастную тему (СТ), как в (iii)).

(ii) * [Колиных]_{Т1} [родителей]_{Т2} мы не видели.

(iii) [Колиных]_{СТ} [родителей]_Т мы не видели.

Другие примеры несоответствия коммуникативного членения синтаксическому см. в [Янко 2001: 68–69].

¹³ По наблюдению рецензента, вторая тема оказывается контрастной в (iv), т. е. при форсировании контрастного прочтения с помощью союза *а*, навязывающего соединяемым им клаузам жесткое коммуникативно-синтаксическое членение [Крейдлин, Падучева 1974a; 1974b].

(iv) Пушкин часть стихов заменил, а часть стихов выкинул.

(100) [*Часть стихов*]_{T1} [*Пушкин*]_{T2} заменил.

Показательно также, что ортотоническая тема, в том числе и в отсутствие в предложении другой темы, должна занимать первую позицию. В (101a) прямое дополнение *новинку* в результате топикализации переместилось в начало предложения, а его смещение во вторую позицию (101б) невозможно.

(101) а. *Новинку/ создатели называют самым маленьким и легким в мире ноутбуком с модульным отсеком* [Ноутбук для леги // «Computerworld», 2004].

б. *Создатели новинку/ называют самым маленьким и легким в мире ноутбуком с модульным отсеком.*

В отличие от конструкции с постпозицией вершины, конструкция с препозицией не противоречит современным нормам коммуникативной организации высказывания. Противоречие снимается, во-первых, тем, что знаменательная тема располагается в случае своей препозиции в начале предложения. Во-вторых, противоречие отсутствует потому, что, как мы стремились показать, слово *который* образует со своей вершиной единую коммуникативную составляющую. Акцентоносителем этой составляющей может быть как вершина, так и местоимение *который*. В Мультимедийном корпусе НКРЯ встречаются оба варианта акцентуации, ср. (102) и (103) (прописными буквами обозначен носитель тематического акцента).

(102) *Кста́ти/ послéдний приме́р—до́статочно серье́зное/ опа́сное развítие ситуáции в Ю́жном Судáне — стра́не/ СОЗДА́НИЕ кото́рой во мно́гом явля́ется резу́льта́том а́ктивности ря́да круп́ных ме́ждунаро́дных игро́ков* [Ежегодная пресс-конференция С. В. Лаврова (2013)].

(103) *...к на́м переши́л фу́нкции председа́теля «Восме́рки» / са́ммит КОТО́РОЙ пройде́т четве́ртого-пя́того ию́ня в Со́чи* [Ежегодная пресс-конференция С. В. Лаврова (2013)].

При этом акцент на вершине отражает тот факт, что вершина соответствует знаменательному компоненту темы, но противоречит общим правилам расстановки акцентов, в соответствии с которыми в ИГ с генитивным зависимым акцентоносителем является зависимое [Ковтунова 1976: 99–101], ср. *ДОМ которого* vs. *дом ОТЦА*. Акцент на *который*, наоборот, согласуется с общими правилами, но представляет собой редчайший случай фразовой акцентуации местоименного зависимого [Подлеская 2014: 556]. Отметим, что сам факт возможной акцентуации *который* видится нам проявлением потенциала коммуникативной автономности относительного местоимения — потенциала, который в языке XVIII–XIX вв. реализовался в большей мере, чем сегодня¹⁴.

Предлагаемая интерпретация позволяет объяснить ряд закономерностей, ограничивающих паттерны эффекта крысолова в современном языке (в соответствии с материалом

¹⁴ Гипотеза о несоответствии порядка с препозицией *который* сегодняшним нормам коммуникативной организации текста созвучна объяснению, предложенному в [Булаховский 1954: 440]: «Издавна существовала ритмическая тенденция ставить элементы, по их природе пригодные делаться энклитиками, на второе место синтаксических членений. Относительные местоимения принципиально могли подчиниться подобной тенденции». Если закон Ваккернагеля, который здесь, очевидно, подразумевается, понимать расширительно, можно говорить о том, что им описывается тенденция к расположению коммуникативно незначимых компонентов предложения в позиции после первого коммуникативно значимого компонента [Янко 2001: 80]. Воспринятое с этой точки зрения, объяснение Л. А. Булаховского обнаруживает сходство с нашей гипотезой: причина перехода к порядку с постпозицией *который* усматривается в том, что коммуникативно второстепенному компоненту (*который*) свойственно занимать второе (а не первое) место в синтаксическом членении.

раздела 2). Во-первых, проясняется суть ограничения, продемонстрированного выше для релятивизации ИГ-актанта в косвенном падеже и ИГ, подчиненной наречию: контактная позиция местоимения *который* слева от существительного / наречия, как в (104) и (105), допускается при возможности интерпретировать местоимение как зависимое предиката (разделы 2.2 и 2.6). Дело в том, что в этом случае, в соответствии с предложенным анализом, *который* составляет независимую от составляющей справа максимальную проекцию и последовательности из двух тем, из которых главная — вторая, не возникает.

(104) (=29a)) *В этой серии кроме сказок, [для которых] [музыка] была написана специально <...>, есть такие, к которым музыка подбиралась мной* (Google).

(105) (=77)) *Форвард «Москвы» не смог переиграть Карчемарскаса, [с которым] [наедине] его гостеприимно оставили защитники бело-голубых* (Google).

Во-вторых, становится понятно, почему числительное в современных текстах может следовать за словом *который* лишь при условии, что выступает в роли ремы, ср. (106а, б) (раздел 2.3). Последовательность из слова *который* и числительного допускается лишь при расщеплении количественной конструкции (которое, как отмечалось выше, предопределяет рематический статус числительного), потому что в отсутствие расщепления числительное и местоимение образуют единую максимальную проекцию, создавая нежелательную последовательность из двух тем.

(106) а. *Есть отдельные части спецназа и во всех военных округах, [которых]_T [шесть]_R (это бывшие отдельные части ВДВ), и на всех флотах (их четыре)* [РИА Новости, 2005.03.23].

б. *Во всех военных округах есть отдельные части спецназа, [которых]_{T1} [шесть]_{T2} появилось только за прошлый год.*

В-третьих, объяснение получает запрет на расположение инфинитива справа от местоимения *который* в тех относительных клаузах, которым не соответствует приемлемое (с позиций современной нормы) независимое предложение с препозицией инфинитива, ср. (107) и (108) (раздел 2.4). Уместно предположить, что в контекстах типа (108) инфинитив занимает начальную позицию в структуре, предшествующей релятивизации (раз способность к такой позиции представляет собой условие приемлемости релятивизации). Но в таком случае об эффекте крысолова в (108) говорить не приходится, и слово *который* не занимает в структуре позицию спецификатора с вершиной-инфинитивом, а составляет независимую от инфинитива максимальную проекцию, так что нежелательной структуры с двумя темами не возникает.

(107) (=53)) *И сие то есть самый высочайший степень совершенства, которого достигнуть стараться должно* [Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767)].

(108) (=54)) *Устранение с помощью повышения — так перевели в Москву Наздратенко, которого убрать другим способом было очень сложно* [Комсомольская правда, 2001.03.28].

Напомним, что, анализируя паттерны эффекта крысолова в разделе 2, мы пользовались термином «эффект крысолова с инверсией» формально: как обозначением линейного порядка, при котором местоимение *который* контактно предшествует своей предполагаемой вершине. Опираясь на сказанное выше, мы можем теперь уточнить выводы о приемлемости эффекта крысолова с инверсией в языке XVIII–XIX вв. и сегодня. В соответствии с данными в таблице 2, расположение предполагаемой вершины справа от *который* допустимо в современном языке во всех контекстах, кроме контекста с генитивной ИГ. Однако

в контексте ИГ в косвенном падеже и наречия, как мы предположили выше, вершиной *который* в действительности является предикат, так что эффекта крысолова как такового нет. В контексте количественной конструкции имеет место расщепление, а значит, снова отсутствие эффекта крысолова. В контексте инфинитива, как уже отмечено, вынос инфинитива в начало клаузы уместно интерпретировать как предшествующий релятивизации, что снова указывает на отсутствие эффекта крысолова. Тот же анализ напрашивается в контексте контактно следующего за *который* финитного глагола (раздел 2.5). Оговоримся, впрочем, что каких-то специальных ограничений на контактное расположение финитного глагола справа от *который* мы не обнаружили, поэтому предположение об отсутствии эффекта крысолова в этом случае остается наиболее гипотетическим.

Напротив, в языке XVIII–XIX вв. **ни в одном из контекстов** не было обнаружено ограничений, подобных тем, которые определяют приемлемость контактного расположения *который* слева от предполагаемой вершины в современном языке. Соответственно, нет и оснований сомневаться в том, что в конструкциях, демонстрирующих контактное расположение *который* перед вершиной, присутствует эффект крысолова. Исключение составляют конструкции с финитным глаголом, подобные (109): ответ на вопрос о том, является ли начальная позиция глагола следствием эффекта крысолова или следствием субъектно-предикативной инверсии, предшествовавшей релятивизации, без дальнейшего анализа не ясен.

(109) (= (60)) *И просил его, дабы от своей стороны помог отомстить обиду, которую учинил ему рижской губернатор Дальберх в Риге* [А. М. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)].

Уточненные выводы о сравнительной приемлемости эффекта крысолова с инверсией в языке XVIII–XIX вв. и сегодня представлены в таблице 3. В соответствии с ними, ни в одном из рассмотренных контекстов эффект крысолова с инверсией сегодня невозможен. Другими словами, ни в одном из контекстов не нарушается предполагаемый запрет на последовательность из двух тем, из которых главная — вторая. (Особое положение занимает контекст финитного глагола, с которым, повторим, нет полной ясности ни в современном языке, ни, тем более, в языке XVIII–XIX вв.)

Таблица 3

Эффект крысолова с инверсией в языке XVIII–XIX вв. и сегодня (уточненные данные)

	Ген.	Косв. п.	Кол. к.	Инф.	Фин. гл.	Нар.
XVIII–XIX вв.	+	+	+	+	?	+
Сегодня	–	–	–	–	–?	–

3.2. О коммуникативной структуре в языке XVIII–XIX вв.

Гипотеза о том, что постпозиция вершины слова *который* сегодня встречает сопротивление коммуникативной структуры, подразумевает под собой отсутствие такого сопротивления в языке XVIII–XIX вв. И действительно, анализ текстов XVIII–XIX вв. позволяет предположить, что правила порядка слов в этот период меньше, чем сегодня, зависели от коммуникативных факторов. Аргументы в пользу этого предположения обнаруживаются как на материале самих относительных клауз, так и за его пределами.

О том, что в языке XVIII–XIX вв. коммуникативная структура менее строго ограничивала порядок слов в относительном придаточном, свидетельствуют примеры типа (110a) и (111a). В обоих в результате эффекта крысолова с инверсией произошла тематизация

инфинитива, а в реме остался только возглавляющий инфинитив предикат. В современном языке «такие структуры неустойчивы и должны подвергаться дальнейшим линейно-акцентным преобразованиям» [Лютикова 2019: 16], ср. неудачность вариантов (110б) и (111б), где инфинитив подвергся тематизации посредством эффекта крысолова, и приемлемость вариантов (110в) и (111в), где инфинитив оставлен в исходной позиции в составе ремы.

(110) а. *Но что нам умножать жалобы и сердоболыя, которые утолять елико возможно подобает* [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово на погребение Петра Великого (1725)].

б. ^{??}*Зачем нам умножать жалобы, утолять которые по возможности следует.*

в. ^{OK}*Зачем нам умножать жалобы, которые по возможности следует утолять.*

(111) а. *Где есть мужество, следует там быть и противностям, которая побеждать надобно* [архиепископ Платон (Левшин). Слово в день рождения Его Императорского Высочества (1766)].

б. ^{??}*Где есть мужество, там следует быть и препятствиям, которые побеждать надо.*

в. ^{OK}*Где есть мужество, там следует быть и препятствиям, которые надо победить.*

Предположение о том, что в XVIII–XIX вв. коммуникативные факторы меньше влияли на порядок слов, чем сегодня, и за пределами относительных конструкций, проиллюстрируем двумя примерами. Один из них связан с предложениями, в которых финитный глагол является семантически опустошенным: таковы, например, глаголы звука при подлежащем, также обозначающем звук, ср. (112) и (113).

(112) *Когда, например, все уже было закончено и «бойцы» в укромном уголке стали переодеваться в гражданское, кто-то из них случайно нажал на спусковой крючок пистоleta, раздался выстрел* [Труд-7, 2001.03.13].

(113) *Прозвенел звонок с урока, мы с другом пошли на геометрию* [lenta.ru, 2018.01.19].

Поскольку основную смысловую нагрузку в такой конструкции несет подлежащее, в современном языке оно тяготеет к рематической позиции после глагола. Исключение составляют предложения с узкой ремой на обстоятельстве, как в (114): в этом случае синтаксически нейтральный порядок «подлежащее + сказуемое» не приводит к совпадению семантически опустошенного глагола с ремой.

(114) *Первый звонок раздался около девяти утра* [Комсомольская правда, 2001.02.01].

В языке XIX в. между тем узкую ремю мог составлять семантически опустошенный предикат, ср. (115)–(117). Это значит, что факторы, которые сегодня определяют коммуникативную организацию высказывания и, как следствие, порядок слов, в XIX в. могли не оказывать влияния.

(115) *Какая цель лучше груди врага! — отвечал Аммалат-бек, наскакывая, и в десяти шагах спустил курок... выстрел грянул... и молча, медленно свалился полковник с седла* [А. А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек (1831)].

(116) *Но в это время таинственный голос опять прозвучал: — А по-вашему, стоит только правовой порядок завести — и щипьявятся...* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия (1877–1883)].

(117) *Она возвезлась, и громкое восклицание раздалось: «Друзья!»* [Н. М. Карамзин. Марфа Посадница, или покорение Новгорода (1803)].

Второй пример представлен следующим фрагментом из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». В клаузе *сняли фуражку* существительное *фуражка* активировано в предтексте, поэтому с точки зрения современной нормы оно должно получить статус темы и начальную позицию в клаузе, ср. *Когда он рассеялся, фуражку сняли*. В тексте XIX в., однако, подобный дискурсивный фактор мог не оказать влияния на порядок слов.

(118) — *Посмотрим, однако ж, — сказал Вулич. Он взвел опять курок, прицелился в фуражку, висевшую над окном; выстрел раздался — дым наполнил комнату. Когда он рассеялся, сняли фуражку: она была пробита в самой середине и пуля глубоко задела в стене* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)].

Приведенные примеры, конечно, носят частный характер. Но отличия коммуникативной структуры языка XVIII–XIX вв. от современной — фундаментальный вопрос, который в рамках настоящей статьи не может быть рассмотрен сколько-нибудь системно. Наряду с масштабом и типологией этих отличий, отдельный интерес представляет вопрос об их истоках: восходят ли они к предшествующим этапам истории русского языка или обязаны своим появлением какому-либо преходящему влиянию (например, влиянию французского языка с его более фиксированным порядком слов). Имеющихся у нас данных недостаточно, чтобы какой-либо из вариантов счесть более правдоподобным. По наблюдениям [Пичхадзе 2020: 111], факторы коммуникативного членения, в частности тенденция к расположению ремы в постпозиции к глаголу, действовали уже в древнерусском языке. Вместе с тем в широком классе конструкций, так или иначе отвечающих представлению о фразеологических сочетаниях, безусловно преобладающим являлся порядок с дополнением, предшествующим глаголу (ср. в этой связи примеры (110а) и (111а)) [Там же: 39].

Независимо от ответа на эти и подобные обширные вопросы, представленный материал позволяет предположить, что порядок слов в языке XVIII–XIX вв. находился в меньшей зависимости от дискурсивных факторов, чем в современном языке. Это отвечает гипотезе о причинах произошедшего сдвига в паттерне эффекта крысолова — от конструкций с эффектом крысолова и инверсией к конструкциям без инверсии. Первый паттерн оказался несовместим с современными нормами коммуникативной организации высказывания. Раз такая несовместимость имеется, вряд ли уход от инверсии осуществился вне связи с ней (что не исключает, конечно, причастности других факторов). В языке XVIII–XIX вв. коммуникативная структура была относительно нестабильна, а потому более толерантна к порядку с препозицией местоимения.

Предложенная интерпретация могла бы получить типологическое продолжение: в языках, где эффект крысолова с инверсией является распространенным паттерном (по данным [Rapaport 1995], среди славянских языков к таковым относятся польский, словенский и словацкий), ожидаются отличные от современного русского принципы коммуникативной организации высказывания и/или меньшая зависимость линейного порядка от дискурсивных факторов. Проверка этого предсказания остается за рамками настоящей работы.

Заключение

Результаты предпринятого исследования могут быть резюмированы в следующих положениях.

- То, что уже было известно применительно к отдельным синтаксическим контекстам, прежде всего применительно к контексту с релятивизацией генитивного зависимого имени, подтвердилось на более широком материале: расположение местоимения *который* перед управляющим словом представляло собой распространенный паттерн в языке XVIII–XIX вв., а к XX в. уступило место паттерну с постпозицией

местоимения. Современные примеры, нарушающие эту тенденцию, не отвечают представлению об «эффекте крысолова», которым обычно объясняют контактное расположение относительного местоимения и его вершины.

- Предложенная интерпретация произошедшего синтаксического сдвига апеллирует к различию в коммуникативной организации конструкций с препозитивным и постпозитивным *который*: в первом случае местоимение и его вершина спаяны менее тесно синтаксически и коммуникативно, чем во втором, что ведет к появлению в первом случае конструкции с двумя темами, не отвечающей современным ограничениям на коммуникативную структуру. В языке XVIII–XIX вв. коммуникативные ограничения были менее строгими и меньше влияли на порядок слов. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что переход от препозитивного к постпозитивному *который* происходил в русле более общих сдвигов, сопровождавших эволюцию коммуникативных стратегий русского языка после XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян и др. 2010 — Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresjan Yu. D., Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovary* [Theoretical issues of Russian syntax: Grammar–lexicon interaction]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- Булаховский 1954 — Булаховский Л. А. *Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис*. М.: Учпедгиз, 1954. [Bulakhovskii L. A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka. Fonetika. Morfologiya. Udarenie. Sintaksis* [Standard Russian of the first half of the 19th century: Phonetics, morphology, stress, syntax]. Moscow: Uchpedgiz, 1954.]
- Зализняк, Падучева 1979 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. Синтаксические свойства местоимения *который*. Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. Николаева Т. М. (отв. ред.). М.: Наука, 1979, 289–329. [Zaliznyak A. A., Paducheva E. V. Syntactic properties of the pronoun *kotoryj*. *Kategoriya opredelennosti — neopredelennosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh*. Nikolaeva T. M. (ed.). Moscow: Nauka, 1979, 289–329.]
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. *Русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*. М.: Наука, 1976. [Kovtunova I. I. *Russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [The Russian language. Word order and information structure]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Крейдлин, Падучева 1974a — Крейдлин Г. И., Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства союза *а*. Научно-техническая информация, сер. 2, 1974, 9: 31–37. [Kreidlin G. I., Paducheva E. V. Meaning and syntactic properties of the conjunction *a*. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*, Series 2, 1974, 9: 31–37.]
- Крейдлин, Падучева 1974b — Крейдлин Г. И., Падучева Е. В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а*. Научно-техническая информация, сер. 2, 1974, 10: 32–37. [Kreidlin G. I., Paducheva E. V. Interaction between associative links and information structure in sentences with the conjunction *a*. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*, Series 2, 1974, 10: 32–37.]
- Круглов 2003 — Круглов В. М. Использование относительных придаточных с местоимением *который* в русском рукописном переводе второго трактата о правлении Джона Локка. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2003, 62, 1: 61–81. [Kruglov V. M. Usage of relative clauses with *kotoryj* in the Russian handwritten translation of John Locke's *Second Treatise of Government*. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2003, 62, 1: 61–81.]
- Круглов 2006 — Круглов В. М. Формирование современного порядка слов в конструкциях с местоимением *который* в родительском падеже со значением принадлежности (Первая треть XVIII века). *Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag*. Bunčić D., Trunte N. (Hrsg.). Munich: Kubon & Sagner, 2006, 97–109. [Kruglov V. M. Emergence of modern word order in constructions with *kotoryj* in the genitive of possession (First third of the 18th century). *Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag*. Bunčić D., Trunte N. (Hrsg.). Munich: Kubon & Sagner, 2006, 97–109.]

- Летучий 2020 — Летучий А. Б. *Конструкции с сентенциальными актантами в русском языке: синтаксис, семантика, сочетаемость*. Дис. ... докт. филол. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2020. [Letuchiy A. B. *Konstruktsii s sententsial'nymi aktantami v russkom yazyke: sintaksis, semantika, sochetaemost'* [Construction with complement clauses in Russian: Syntax, semantics, combinability]. Ph.D. diss. Moscow: HSE Univ., 2020.]
- Лютикова 2009 — Лютикова Е. А. Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения. *Корпусные исследования по русской грамматике*. Киселева К. Л. (ред.). М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009, 436–511. [Lyutikova E. A. Relative clauses with *kotoryj*: General charactersiation and movement features. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Kiseleva K. L. (ed.). Moscow: PROBEL-2000, 2009, 436–511.]
- Лютикова 2011 — Лютикова Е. А. Семантические типы относительных предложений в русском языке: анализ корпусных данных. *Вестник ТГПУ*, 2011, 4(26): 199–204. [Lyutikova E. A. Semantic types of relative clauses in Russian: Analysis of corpus data. *Vestnik TGPU*, 2011, 4(26): 199–204.]
- Лютикова 2019 — Лютикова Е. А. Коммуникативная структура в синтаксической деривации. *Вопросы языкознания*, 2019, 1: 7–29. [Lyutikova E. A. Information structure in syntactic derivation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 1: 7–29.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Падучева 2016 — Падучева Е. В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка). *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. Циммерлинг А. В., Лютикова Е. А. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2016, 25–75. [Paducheva E. V. Information structure and linear-accentual transformations of sentence: Case study of Russian. *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, porjadok slov*. Zimmerling A. V., Lyutikova E. A. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2016, 25–75.]
- Пичхадзе 2020 — Пичхадзе А. А. О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое объектное дополнение» в древнерусском языке. *Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса*. Пичхадзе А. А. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2020, 36–140. [Pichkhadze A. A. On word order in the combinations “personal form of the verb + direct object” in Old Russian. *Ocherki drevnerusskogo i starorusskogo sintaksisa*. Pichkhadze A. A. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020, 36–140.]
- Подлеская 2014 — Подлеская В. И. Просодия против синтаксиса в русских относительных предложениях. *Acta linguistica Petropolitana*, 2014, X(2): 537–567. [Podlesskaya V. I. Prosody vs. syntax in Russian relative clauses. *Acta linguistica Petropolitana*, 2014, X(2): 537–567.]
- Рахилина и др. 2016 — Рахилина Е. В., Бородина М. А., Резникова Т. И. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2016, 10: 242–255. [Rakhilina E. V., Borodina M. A., Reznikova T. I. “Taman today”: Corpus study of nineteenth-century Russian. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2016, 10: 242–255.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ, 2001. [Testeleys Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Холодилова 2011а — Холодилова М. А. Релятивизация позиции посессора в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2011, 21: 5–46. [Kholodilova M. A. Relativization of the possessor position in Russian. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2011, 21: 5–46.]
- Холодилова 2011б — Холодилова М. А. *Релятивизация позиции посессора в русском языке*. Курсовая работа. СПб.: СПбГУ, 2011. [Kholodilova M. A. *Relyativizatsiya pozitsii posessora v russkom yazyke* [Relativization of the possessor position in Russian]. Term paper. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2011.]
- Холодилова 2013 — Холодилова М. А. *Позиционные свойства местоимений в русском языке*. Магистерская работа. СПб.: СПбГУ, 2013. [Kholodilova M. A. *Pozitsionnye svoistva mestoimenii v russkom yazyke* [Positional properties of pronouns in Russian]. Master's thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2013.]
- Холодилова 2014 — Холодилова М. А. Относительные придаточные. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2014. [Kholodilova M. A. Relative clauses. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*. As a manuscript. Moscow, 2014.] http://rusgram.ru/Относительные_придаточные.
- Холодилова 2020 — Холодилова М. А. Корпусное исследование славянских относительных конструкций. Доклад на семинаре Института славяноведения РАН, 20.10.2020. [Kholodilova M. A.

- Corpus study of Slavic relative constructions. Talk at the seminar of the Institute of Slavic Studies (RAS), 20 October 2020.]
- Янко 2001 — Янко Т. Е. *Коммуникативные стратегии русской речи*. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2001.]
- Abeillé, Winckel 2020 — Abeillé A., Winckel E. French subject island? Empirical studies of *dont* and *de qui*. *Journal of French Language Studies*, 2020, 30: 275–300. DOI: 10.1017/S0959269520000137.
- Andrews 2007 — Andrews A. D. Relative clauses. *Language typology and syntactic description*. Vol. II: *Complex constructions*. Shopen T. (ed.). 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007, 206–236.
- Dryer 2018 — Dryer M. S. On the order of demonstrative, numeral, adjective, and noun. *Language*, 2018, 94(4): 798–833.
- Heck 2009 — Heck F. On certain properties of pied-piping. *Linguistic Inquiry*, 2009, 40(1): 75–111.
- Hirschbühler 1978 — Hirschbühler P. *The semantics and syntax of Wh-Constructions*. Ph.D. diss. Amherst: Univ. of Massachusetts, 1978.
- Hüttl-Folter 1996 — Hüttl-Folter G. *Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen*. Wien: Böhlau Verlag, 1996.
- Mitrenina 2012 — Mitrenina O. V. The syntax of pseudo-correlative constructions with the pronoun *koto-ryj* ('which') in Middle Russian. *Slověne*, 2012, 1: 61–73.
- Pereltsvaig 2007 — Pereltsvaig A. The universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*, 2007, 61(1): 59–94.
- Rappaport 1995 — Rappaport G. C. Wh-movement-in-Comp in Slavic syntax and in Logical Form. *Journal of Slavic Linguistics*, 1995, 3(2): 308–356.
- Testelefs, Lyutikova 2017 — Testelefs Y. G., Lyutikova E. A. Split quantifier phrases and genitive of negation in Russian. *Aspects of Slavic linguistics: Formal grammar, lexicon and communication*. Mueller-Reichau O., Guhl M. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2017, 356–376.

Получено / received 29.10.2020

Принято / accepted 16.03.2021